A black and white portrait of Carl Mannergheim, a man with a mustache, wearing a military-style uniform with a high collar and buttons. The portrait is positioned on the left side of the page, with the right side being a solid black background containing text.

Карл Маннергейм

Линия жизни

Как я отделился
от России

Титаны XX века

Карл Густав Маннергейм

**Линия жизни. Как я
отделился от России**

«Алисторус»

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Маннергейм К.

Линия жизни. Как я отделился от России / К. Маннергейм —
«Алисторус», — (Титаны XX века)

Карл Маннергейм – один из самых известных политических деятелей XX века. Генерал-лейтенант русской императорской армии, после революции 1917 года он бежал в Финляндию, где стал фельдмаршалом финляндской армии, а затем президентом этой страны. Под руководством Маннергейма в Финляндии была построена мощная оборонительная линия, названная его именем, – в советско-финскую войну 1939–1940 гг. она существенно затруднила наступление Красной армии. В годы Великой Отечественной войны Финляндия выступила на стороне Германии против СССР, но в 1944 году заключила мирное соглашение с Советским Союзом и начала военные действия против Германии. В своих воспоминаниях Карл Маннергейм описывает службу при дворе последнего российского императора Николая II и в русской армии, революцию в России, непростые отношения Финляндии и СССР в межвоенное время, советско-финскую войну 1939–1940-го гг. и войну Финляндии с СССР в 1941–1944 годах. Особое внимание уделяется имперским устремлениям России и СССР, а также месту России-СССР в европейской политике.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

© Маннергейм К.
© Алисторус

Содержание

Служба в царской России. Коронация Николая II. Ходынка	6
Русско-японская война. Волнения в России и манифест Николая II	14
Первая мировая война. Неудачи на фронтах и положение внутри страны	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Карл Маннергейм

Линия жизни. Как я отделился от России

© П. Куйиал, Б. Злобин, перевод с фин., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Служба в царской России. Коронация Николая II. Ходынка

Моя служба в царской армии России началась со случая, который оказал решающее влияние на мою жизнь. Я имею в виду отчисление из кадетского корпуса в Финляндии и поступление в Николаевское кавалерийское училище в Петербурге.

Мне исполнилось 15 лет, когда в 1882 году я поступил в кадетский корпус Финляндии. Я был первым из трех поколений Маннергеймов, кто посвятил себя военной карьере. Однако в восемнадцатом веке почти все мужчины моего рода выбирали эту карьеру.

Для кадетского корпуса были характерны усердный труд и железная дисциплина. Малейшие отклонения от правил пресекались драконовскими мерами, в первую очередь лишением кадетов свободы. Дисциплина в младших классах зависела также от товарищеского суда, который был создан из учащихся двух старших классов с правом вынесения наказаний. У каждого младшего кадета был также и так называемый опекун, обязанный следить за его учебой и поведением. Но атмосфера в корпусе была превосходная, а товарищеские отношения, возникшие в ней, оставались крепкими при любых превратностях судьбы.

Специфичность и особое положение вооруженных сил Финляндии, в том числе и кадетского корпуса, оказывали бесспорное влияние на обучение. Преподавательский состав менялся очень редко, и многие наставники отличались оригинальностью. Руководителем корпуса долгие годы был генерал Неовиус, происходивший из очень одаренной семьи, – хороший воспитатель и администратор, отличавшийся, правда, по временам весьма воинственным темпераментом. В сословном представительстве города Хамина он выражал интересы буржуазии, и кадеты прозвали его «буржуйским генералом».

Когда в 1885 году на смену генералу Неовиусу пришел генерал Карл Энкелль, крутой и строгий солдат, выслужившийся в штабе генерала Скобелева на турецкой войне, в корпусе повеяли ветры перемен. Кадетам пришлось познакомиться с новыми манерами обучения. В результате я в течение двух месяцев не мог сделать и шага за пределы корпуса – причиной тому были небольшие прегрешения и нарушения распорядка, которые, по мнению современных педагогов, можно считать просто пустяками. Этот арест был для меня нетерпимым, и в один из пасхальных вечеров 1886 года я решил пренебречь запретом. Соорудив из своей военной формы очень правдоподобную, на мой взгляд, куклу, я уложил ее на койку и отправился в самоволку. Ночевать я пошел к одному писарю, жившему неподалеку, – его лысина, густая борода и могучий, как из преисподней, бас до сих пор хранятся в моей памяти. Ранним утром следующего дня я спал у него дома на широкой постели, рядом, на ночном столике, стоял стакан молока, и тут корпусной фельдфебель разбудил меня, чтобы отвести обратно в казарму. Кукла на моей постели была обнаружена, и это вызвало большой шум.

Через два дня пришло лаконичное уведомление, что я исключен из корпуса. Никаких объяснений мне представлено не было. Впрочем, я ожидал именно этого и уже принял решение. При прощании я сказал своим друзьям:

– Отправляюсь в Петербург, поступлю в Николаевское кавалерийское училище, а затем стану кавалергардом.

Мои слова вызвали большое оживление. Все хорошо знали, как тяжело было попасть в этот отборный, первый гвардейский кавалерийский полк России. Хотя я тогда и не понимал этого, но предпринятый мною шаг стал решающим для моего будущего: я вырвался из круга тесных родственных связей и получил возможность сделать карьеру в других, более благоприятных условиях.

Карл Густав Эмиль Маннергейм – барон, финский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант Русской императорской армии, генерал от кавалерии Финляндской армии, фельдмаршал, маршал Финляндии (только как почетное звание), регент Королевства Финляндия с 12 декабря 1918 по 26 июня 1919, президент Финляндии с 4 августа 1944 по 11 марта 1946

Мое решение не вызывало никаких сомнений с патриотической точки зрения, поскольку отношения между Россией и автономным Великим княжеством Финляндским в те времена были хорошими. В основе их лежало доверие финнов к России, порожденное освободительными действиями Александра I. После присоединения Финляндии к России в 1809 году импе-

ратор завоевал сердца своих новых подданных монаршей присягой, а еще через два года – великодушным возвращением Финляндии (несмотря на только что закончившуюся тяжелую русско-турецкую войну) Выборгской губернии, захваченной Россией во времена Петра Великого. Последователи Александра I уважали его обязательства. Доверие было подорвано позже, когда под давлением русского националистического движения Николай II нарушил императорскую присягу.

* * *

Для поступления в Николаевское кавалерийское училище необходимо было сдать университетский экзамен. В течение года я частным образом зубрил университетскую программу в так называемой школе Беек и весной 1887 года сдал экзамены. Помимо всего прочего, требовалось хорошее знание русского языка, чтобы можно было понимать преподаваемые предметы. В кадетском корпусе Финляндии нас, конечно же, обучали русскому языку, но эти занятия были недостаточными, чтобы выучить язык, совершенно отличавшийся от финского и шведского. Для более глубокого изучения языка я отправился летом 1887 года к одному из родственников, капитану и инженеру Э.Ф. Бергенгейму, который занимал большую должность на крупном промышленном предприятии в Харькове, огромном экономическом центре Украины. Моим сердечным другом и хорошим учителем стал один из казаков-кавалеристов – весьма образованный человек, прошедший военное обучение в Петербурге. Именно его стараниями уже осенью я говорил по-русски достаточно хорошо. Но все же русский язык поначалу давался мне тяжело.

Здание Николаевского кавалерийского училища по сравнению с кадетским корпусом в Хамина производило огромное впечатление: размеры его были гораздо больше, а архитектура – благороднее. Драгунская форма, утвержденная Александром III, представляла собой следующее: высокие сапоги, синие штаны с красными лампасами, черная с золотым воротником куртка и головной убор с меховой опушкой и жестким красным верхом. Несмотря на красоту, эта форма никогда мне не нравилась, впрочем, при выходе в город позволялось надевать другую одежду. В кавалерийском училище, конечно же, царила муштра, принятая в таких учебных заведениях, что сказывалось на отношениях между курсантами. Так, например, было установлено, что «звери» – учащиеся младших классов – не имели права ходить по тем же лестницам, что и учащиеся старших классов, к которым необходимо было обращаться «господин корнет». Дисциплина была еще более строгой, чем в кадетском корпусе Финляндии.

В кавалерийском училище было много прекрасных педагогов. С особой благодарностью я вспоминаю преподавателя тактики полковника Алексеева, серьезного и требовательного человека, который во время Первой мировой войны дослужился до начальника штаба Ставки и даже стал Верховным главнокомандующим. Руководителем училища был доброжелательный и очень образованный генерал барон фон Бильдерлинг, впоследствии командующий армией во время Русско-японской войны. Обучение было более широким и планомерным, чем в кадетском корпусе, – сказывались хорошая подготовка преподавательских кадров и возможности для практических занятий. Ведь училище могло принимать участие в крупнейших военных учениях драгунских полков.

Большой отпуск я проводил в Финляндии. Всегда было приятно войти в чистый вагон на Финляндском вокзале Петербурга и отправиться, как тогда казалось, в долгое путешествие в Хельсинки. Однако и возвращение тоже было приятным, так как я предвкушал напряженную работу в полку – я относился к ней с большим рвением и очень ею гордился. К тому же меня ждал мой верный, хотя и весьма строптивый, друг Нектор, с которым меня связывала первая любовь всадника. Этим воспоминаниям молодости я верен и поныне. Все вещи, име-

ющие отношение к кавалерии, – выбор лошади, объездка, скачки – по сей день остаются для меня самыми приятными развлечениями.

Несмотря на языковые сложности, мой первый год обучения прошел достаточно хорошо, а в 1889 году я окончил училище с отличием.

После получения офицерского звания меня постигло большое разочарование. В кавалергардском полку, где офицерское собрание одобрило мою кандидатуру, вакансий не оказалось, поэтому мне пришлось выбирать какой-либо иной полк. Я был вынужден начать свою службу корнетом в 15-м Александрийском драгунском полку, размещавшемся далеко на границе с Германией – в польском городе Калиш. Кавалеристы полка, где все лошади были черными, назывались «гусарами-смертниками» – в память о том времени, когда этот полк был гусарским и офицеры носили доломаны черного цвета с посеребренными галунами. Это было привлекательно для молодого человека, и я ничего не имел против того, что оказался в Польше, – впоследствии я бывал там много раз. Чем больше я узнавал поляков, тем больше их понимал.

Жизнь в приграничном полку была достаточно монотонной, ничего особенного там не происходило. Однако лошади были хорошими, а работы вполне хватало для тех, кто хотел трудиться. Именно трудиться я и хотел – может быть, даже слишком хотел, как считал командир эскадрона. В те времена одной из его обязанностей было приобретение фуража, для этой цели выделялись средства. Чем меньше лошади трудились, тем меньше им требовалось пропитания. Между мной и командиром эскадрона возникла мирная борьба, и вскоре я понял, почему он все чаще стал приглашать меня на обед.

Таким образом, я оказался в условиях, которые существовали во всех частях царской армии, разбросанной по огромной территории России. Они резко отличались от условий в гвардейских полках и гарнизонах больших городов. Я научился понимать и уважать русскую военную дисциплину, обладавшую многими хорошими качествами. С новобранцами я не испытывал особых проблем, они легко обучались и были очень выносливыми. Если к ним относились по закону и так, как требовало дело, то они привязывались к своему командиру; эти отношения изменились после революции, когда на военную службу пришли простые люди, не признававшие дисциплины.

Маннергейм (на первом плане) при коронации Николая Второго 14 мая 1896 г.

* * *

Прослужив целый год в Александрийском драгунском полку, я получил приятное известие о том, что меня переводят в кавалергарды. Я считал большой честью оказаться в этом полку, почетным командиром которого была сама императрица Мария Федоровна. Я мечтал оказаться в Петербурге, где для молодого офицера было намного больше возможностей.

В кавалергардском полку мне доверили обучение новобранцев в первом эскадроне, и я с удовольствием принялся за работу. В отдельные дни конные учения начинались уже в шесть часов утра. В двенадцать часов они прерывались на завтрак, потом занятия продолжались до четырех или пяти вечера, после чего я был свободен и мог заниматься своими делами. Дежурному офицеру чаще всего приходилось обедать в гордом одиночестве. Через определенные периоды времени устраивались общие полковые обеды, в которых принимали участие и бывшие офицеры. После Русско-японской войны в этих обедах гвардейского полка принимал участие Его Величество.

Служба в кавалергардском полку полностью отличалась от той, к которой я привык в драгунском полку. Поскольку казармы находились в городе на берегу Невы, то эскадроны очень редко выводились на открытую местность, так что в основном проводились лишь формальные учения и конные занятия в манеже.

Я с сожалением вспоминал лихие занятия на широких просторах в районе города Калиш. Именно поэтому самыми приятными были выезды в лагерь в Красное Село, которые начинались в мае и продолжались все лето. Когда столицу посещали царственные особы и правители зарубежных государств, их обычно привозили в Красное Село – там в честь высоких гостей устраивали пышные парады и маневры, которые демонстрировали мощь Российской империи, а нам это давало возможность отвлечься от повседневной лагерной жизни. Однако самым главным в такой жизни кавалергардов были скачки, на которые прибывало все высшее командование и военные представители других стран.

Иногда в зимнее время офицеры кавалергардского полка должны были нести караул в Зимнем дворце. В эти минуты мне казалось, что я прикасаюсь к частичке истории России. Подобные чувства вызывала и историческая военная форма, которую мы должны были носить: мундир из белого сукна с посеребренным воротником и галунами, плотно облегающие лосины (между прочим, их надо было надевать мокрыми и высушивать на голом теле), блестящие кожаные сапоги. Эти сапоги были гораздо выше колен, и сидеть в них доставляло большое неудобство. Поверх мундира надевался красный вицмундир с Андреевскими звездами, вышитыми спереди и сзади. Наряд довершала каска, украшенная двуглавым императорским орлом, который мы, офицеры, называли мирным именем «голубь». Было весьма приятно освободиться от всего этого обмундирования, которое приходилось носить в течение целых суток.

Зимний дворец предоставлял офицерам-кавалергардам и более приятные впечатления. Нас приглашали на всевозможные празднества, большие приемы и так называемые концертные танцы, а также на балы, которые император ежегодно давал для тысяч приглашенных. Раз в году шеф полка императрица Мария Федоровна вместе со своим супругом императором Александром III принимала у себя всех офицеров полка. Императрица, дочь датского короля Кристиана IX, всегда с симпатией относилась к Финляндии, и мы, финны, называли ее северным женским именем – императрица Дагмар. Позднее, во время путешествий по странам Центральной Европы, я побывал в Дании, и мне представилась возможность выразить свое почтение Ее Величеству, которая проводила в этой стране свои последние годы.

Будучи большим поклонником конного спорта, я всегда с воодушевлением принимал участие в скачках с препятствиями, которые организовывались зимой в огромном, вмещавшем весь полк, Михайловском манеже. А когда мой друг князь Белосельский-Белозерский после посещения Франции, где он познакомился с конным поло, организовал на Крестовом острове в устье Невы клуб поло, я много часов посвятил этому увлекательному виду спорта.

Среди других развлечений самое незабываемое впечатление производило празднование Пасхи, самого крупного праздника глубоко верующей России, который предварялся семинедельным постом. Вершиной этого святого праздника было полночное богослужение в канун Пасхи, оно начиналось с того, что провозглашалось воскрешение Христа, а верующие совершали крестный ход с зажженными восковыми свечами. Люди обнимались и трижды целова-

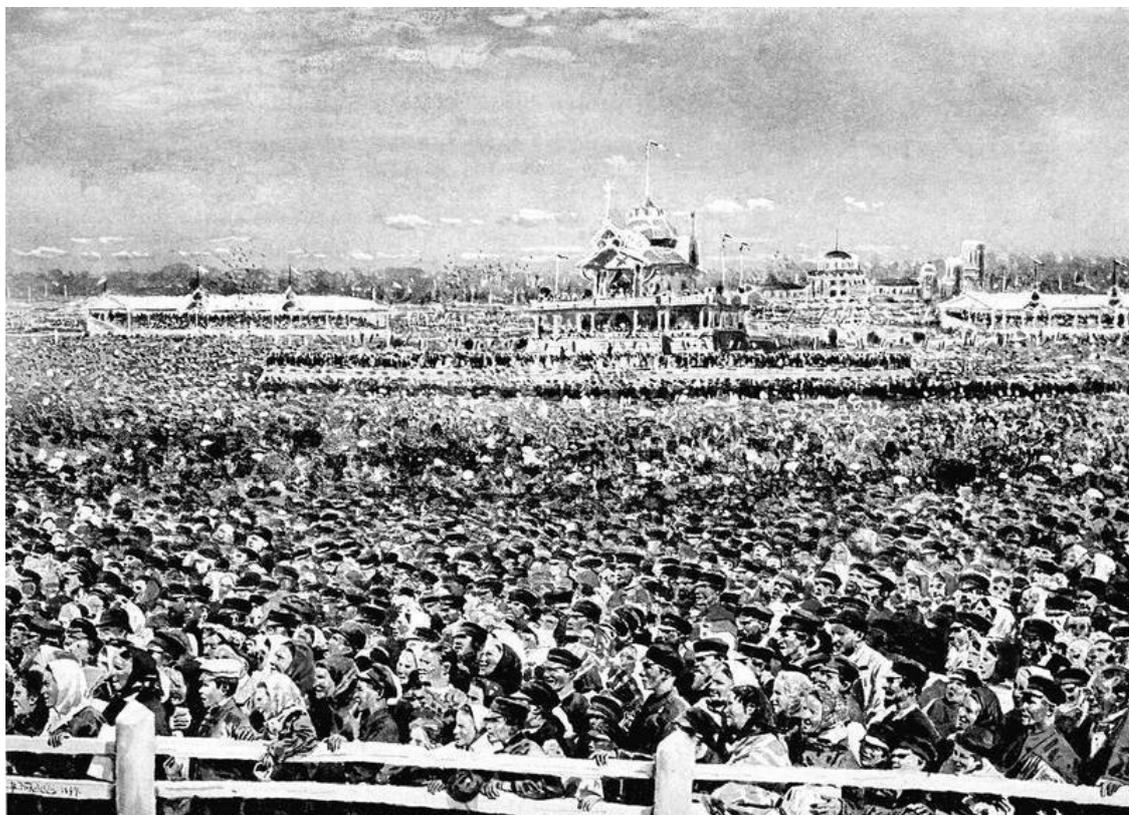
лись по старинному русскому обычаю. Традиционная пасхальная пища – пасха, куличи и яйца – освящалась священником, а затем начиналась служба. Церковные песнопения исполнялись прекрасными хорами мужчин и мальчиков. Я больше нигде не слышал ничего похожего на могучие русские басы. Офицеры и чиновники были в парадной форме, женщины из общества щеголяли в праздничных нарядах – все, от низших слоев общества до высших, надевали самое лучшее.

Пасха также знаменовалась всеобщей благотворительностью, когда щедрая русская натура вступала в свои права и все люди начиная с царя подносили подарки близким. С этим праздником связывались целые потоки награждений в виде орденов и медалей, а также повышения по службе. В больших городах царило редкостное и теплое настроение. Все окна были освещены, весь город на ногах; наносились визиты друзьям и знакомым. Роскошные кареты и коляски быстро мчались по улицам, а около входов во дворцы вельмож стояли лакеи в праздничных ливреях с жезлами в руках. Всю неделю гостей принимали в столовых залах и угощали лучшим, что было в доме, и все это время звонили колокола.

В моей личной жизни в это время произошли перемены: в 1892 году я сочетался браком с госпожой Анастасией Араповой. Ее отцом был генерал-майор Николай Арапов, входивший в свиту Его Величества. В прошлом он также был кавалергардом.

* * *

В 1894 году скончался могущественный император Александр III, а вскоре в Москве состоялось торжественное коронавание Николая II и императрицы Александры Федоровны, куда на весь месяц были командированы и все кавалергарды.

Ходынка. Художник Владимир Маковский

Несколькими днями ранее царственная пара прибыла в Кремль из Петровского дворца, находившегося за пределами города. Было очень приятно наблюдать за их прибытием. Перед императором на коне и его блестящей свитой гарцевал первый эскадрон кавалергардов, где я исполнял обязанности командира первого взвода. Обе императрицы ехали в изумительных праздничных экипажах, запряженных восьмерками, за ними следовали двадцать карет, запряженных шестью и четырьмя лошадьми. Балконы над улицами были заполнены празднично одетым народом. Все выглядело неопишимо красочно и величественно.

То же самое я могу сказать и о самой коронации. Однако это была самая утомительная церемония из тех, в которых мне пришлось участвовать. Я был одним из четырех кавалергардских офицеров, которые вместе с самыми высокопоставленными лицами государства образовали шпалеры вдоль широкой лестницы, что вела от алтаря к трону на коронационном возвышении. Воздух от ладана был удушающим. С тяжелым палахом в одной руке и «голубем» в другой мы неподвижно стояли с девяти утра до половины второго дня. Наконец коронация завершилась, и процессия отправилась в сторону царского дворца. В горностаевой мантии, с короной на голове Его Величество шествовал под балдахин, который несли генерал-адъютанты государя, а перед ним и следом попарно маршировали четыре кавалергардских офицера с обнаженными палахами.

Император и императрица в тяжелых коронационных одеяниях должны были еще принять участие и в традиционной трапезе, и мне посчастливилось увидеть это событие. На возвышении в красивой Грановитой палате был накрыт стол для царственной пары и вдовствующей императрицы, их обслуживали преимущественно самые высокопоставленные лица двора, люди весьма престарелые. Трясущимися руками они подносили закуски и напитки на царский стол, вокруг которого в почетном карауле стояли офицеры-кавалергарды с обнаженными палахами. Отойти от стола можно было, только сделав несколько шагов назад, а на скользком паркете это представлялось довольно сложной задачей. То был один из редких случаев, когда высочайшие чины в буквальном смысле собственноручно выполняли свои официальные обязанности. Звучала музыка в исполнении всемирно известных музыкантов.

Однако праздничная коронация получила ужасное продолжение. Через два дня кавалергарды были подняты по тревоге.

Они должны были проскакать почти через всю Москву на Брестский вокзал, находившийся на западной окраине города. Едва эскадроны построились, мимо нас проехала парная коляска с императором и императрицей, лица у них были бледные и серьезные. Далее следовала свита в том же порядке, что и на коронации. Что случилось, мы пока не знали, но по тому потрясенному виду, который был на лицах безмолвного общества, можно было заключить, что произошло нечто ужасное.

Вскоре случившееся получило свое объяснение. Мимо нас проехал большой караван открытых телег, из-под покрывал свешивались безжизненные руки и ноги. На близлежащем Ходынском поле произошло ужасное несчастье. Толпы людей устремились к палаткам, где раздавали прохладительные напитки и маленькие сувениры. Началась паника, людей сбивали с ног и затаптывали насмерть. Говорили, что погибло около двух тысяч человек.

Катастрофа на Ходынке стала как бы пророчеством для несчастного правления Николая II. Это сравнимо лишь с фейерверком в честь обручения Людовика XVI и Марии-Антуанетты, который также привел к многочисленным жертвам.

Русско-японская война. Волнения в России и манифест Николая II

Вскоре после получения в 1903 году звания ротмистра я написал прошение о переводе меня обратно в армию. Кавалергардский полк вряд ли мог дать мне что-нибудь новое. Мою просьбу удовлетворили, и я получил назначение в Петербургское офицерское кавалерийское училище, где стал командиром так называемого образцового эскадрона. Для меня это была желанная должность, поскольку у командира эскадрона было почти независимое положение, а права и жалованье – как у командира полка.

Офицерское кавалерийское училище представляло собой технико-тактическое учебное заведение, им руководил кавалерийский генерал Брусилов, который и тогда уже был очень известен. Впоследствии генерал Брусилов снискал себе славу на полях Первой мировой войны. Он был внимательным, строгим, требовательным к подчиненным руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными.

Мою службу в офицерском кавалерийском училище прервала Русско-японская война, на которую я записался добровольцем. Генерал Брусилов не одобрил мой поступок. Он считал совершенно бесполезным участие в такой незначительной войне и уговаривал меня отозвать прошение. Ведь скоро, считал Брусилов, начнется реальное противоборство, которое, возможно, перерастет в мировую войну, именно поэтому мне следовало побереечь себя. Однако я не сдался, поскольку прочно решил попробовать свои силы в настоящей войне.

* * *

Начало войны для народа России было полной неожиданностью. Но все же она была логическим продолжением событий того времени, и потому имеет смысл вернуться к ним, чтобы лучше понять современное соперничество между великими державами. С позиций сегодняшнего дня особенно ясно видно, как русские и японцы за счет Китая по очереди стремились подчинить своему влиянию богатейшие районы Дальнего Востока.

В конце девятнадцатого века внешнеполитическое ведомство России возглавлял князь Лобанов-Ростовский, стремившийся стабилизировать политическую ситуацию как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Территориальное расширение Японии, которая оккупировала Южную Маньчжурию, представляло реальную угрозу, и в 1895 году Россия, вместе с Францией и Германией, потребовала восстановления суверенных прав Китая на Маньчжурию. Японские войска были вынуждены покинуть страну и отойти в Корею. Вознаграждением за это стала концессия, по которой Россия получила возможность построить и начать эксплуатацию Южно-Китайской железной дороги – она пролегла через Северную Маньчжурию и соединяла Сибирь с Владивостоком. Однако после того, как на посту министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского сменил граф Муравьев, внешняя политика России претерпела крутой поворот.

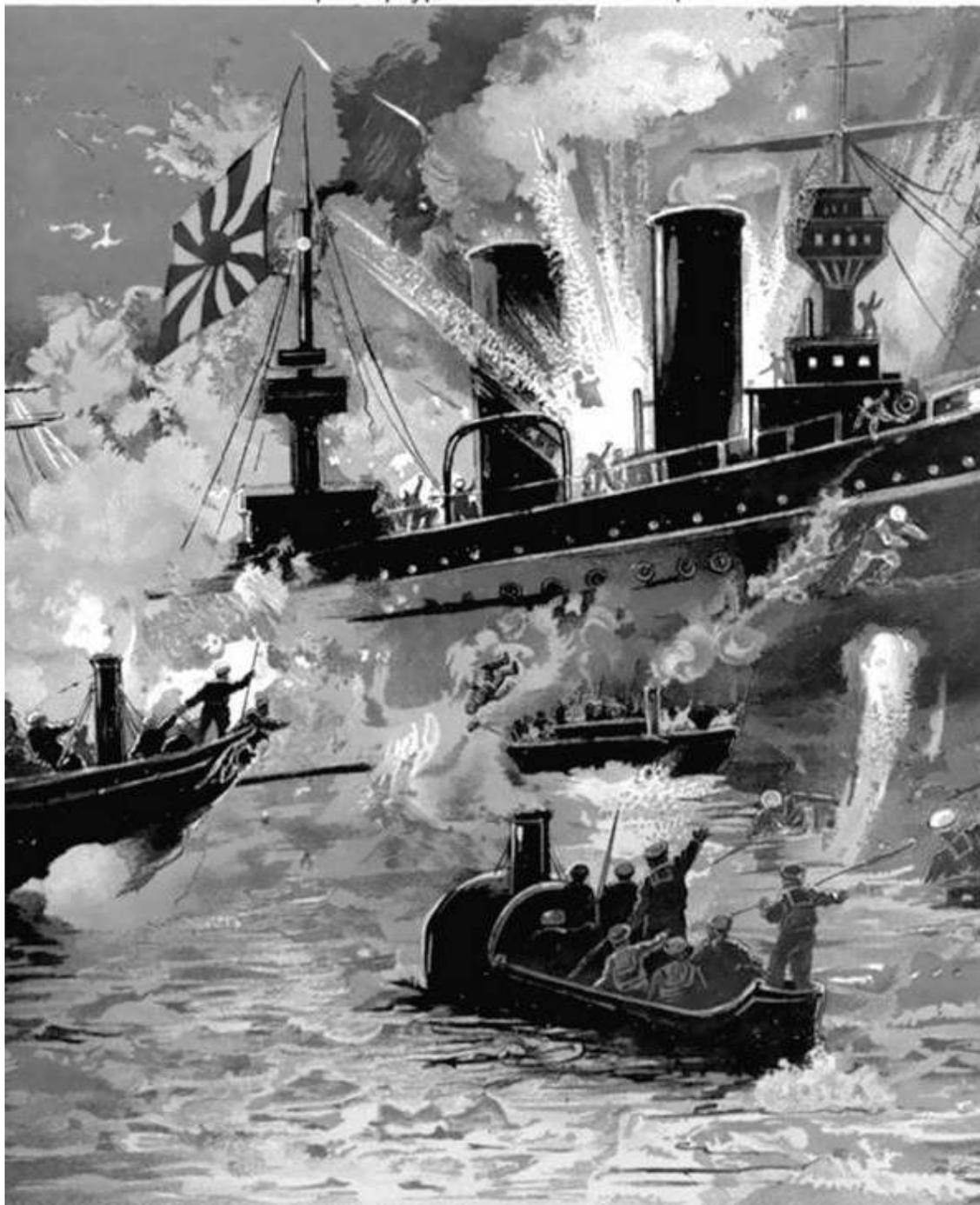
В 1898 году Китай был принужден сдать в аренду России сроком на 25 лет конечный пункт Южно-Маньчжурской дороги – город Порт-Артур – для создания там военно-морской базы. Китай должен был также согласиться на присоединение упомянутой линии к только что построенной Южно-Китайской железной дороге. Отношение китайцев к подобному диктату ясно демонстрирует Боксерское восстание 1900 года, которое было направлено против всех иностранных интервентов. Подавление этого восстания дало возможность России полностью оккупировать Маньчжурию. Правительство России пообещало постепенно освободить эту тер-

риторию, но, поскольку ничего такого не произошло, Япония заподозрила Россию в разработке планов нападения на Корею. Разногласия усиливались из года в год. Японским нотам не придавалось никакого значения, российское правительство не обратило особого внимания и на то обстоятельство, что в 1902 году Англия, опасаясь вторжения России в Индию, заключила союз с Японией. Россия жила с верой, что дипломатические успехи, легко достигнутые за последние годы, будут сопутствовать ей вечно.

В конце декабря 1903 года, когда император Николай II с семьей находился в охотничьем замке Спала в Польше, полномочный посол Японии в России вручил министру иностранных дел ноту, в которой повторялось предложение Японии о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке: Маньчжурия – России, Корея – Японии. Ответ на ноту требовалось представить не позднее 7 января. Министр иностранных дел граф Ламздорф решил сразу же отправиться в Спалу, чтобы представить ноту императору. Однако эта поездка была отложена – пришло известие, что у цесаревича ухудшилось состояние здоровья в связи с гемофилией. В таких обстоятельствах попасть на аудиенцию к государю было очень сложно, практически невозможно.

Проходили недели, в Токио нарастало нетерпение. Только в феврале министр иностранных дел смог доложить императору обстоятельства этого дела. Ответная нота России носила, по всей видимости, такое содержание, что Япония посчитала себя вправе взяться за оружие, и в ночь на 9 февраля 1904 года без объявления войны японские корабли блокировали русскую эскадру в Порт-Артуре. Теперь японские войска и снаряжение могли беспрепятственно транспортироваться морем из Кореи в Маньчжурию, а русские войска там были слишком слабыми, чтобы угрожать этому прочному мосту.

Гибель Японского крейсера „Читозо“ во время ночной атаки Порт-Артура съ 26 на 27 января 1904 г.

Российский плакат времен Русско-Японской войны

События в Порт-Артуре полностью выключили из игры русский Тихоокеанский флот. Флагманский корабль адмирала Макарова «Петропавловск» напоролся на мину и унес с собой в пучину самого одаренного российского флотоводца, а вместе с ним почти тысячу матросов. Одним из оставшихся в живых был двоюродный брат царя великий князь Кирилл. Его удивительное спасение, по общему мнению, было промыслом высших сил, которые якобы избрали великого князя для выполнения особого предназначения в Российском государстве.

Хотя поражение в Порт-Артуре и вызвало большую горечь у всех слоев населения, тем не менее народные массы были настроены воодушевленно и патриотические настроения нисколько не убавились.

Следует отметить, что Генеральный штаб России, как потом выяснилось, недооценил военную мощь Японии и характер японского народа. Так, за несколько лет до начала войны военный атташе России в Японии отмечал в своих рапортах, что «пройдет не одно столетие, прежде чем японская армия достигнет такого морального фундамента, на котором базируется европейская армейская организация, и сможет оказаться на уровне самой слабой европейской армии».

* * *

Прошло не так много времени, и российское правительство осознало: события на Дальнем Востоке начинают обретать угрожающий характер. Стало ясно, что на театре военных действий, находящемся на расстоянии восьми тысяч километров от столицы, нет той армии, которая требовалась бы для осуществления задуманной внешней политики. Теперь в Маньчжурию необходимо было перебрасывать войска и снаряжение по одной-единственной железной дороге – с технической точки зрения весьма слабой. Ко всему прочему, эта железная дорога прерывалась озером Байкал. В летнее время его приходилось пересекать на судах, что было совсем не простой задачей, так как ширина озера достигала пятидесяти километров, а погрузка и разгрузка занимали очень много времени. Зимой поезда могли идти по колее, проложенной прямо по льду. В самом конце войны железнодорожный путь в обход Байкала все же был построен.

С самого начала войны русские войска на Дальневосточном театре военных действий были лишены самого необходимого – подкреплений, боеприпасов и снаряжения. Бездеятельность оказывала разрушительное влияние на моральное состояние войск. В то же время у японцев была полная свобода действий. Русские не смогли добиться этого за все время военных операций. Они испытывали неудачу за неудачей, начиная с поражения на реке Ялу, которую японцам удалось форсировать, и заканчивая разгромом при Мукдене. Несомненно, главным козлом отпущения стал пассивный и неуверенный командующий войсками в Маньчжурии генерал от инфантерии Куропаткин, однако еще большей помехой для военных действий было отсутствие единого командования. Не было никакого разграничения в деятельности командующего войсками и наместника на Дальнем Востоке – адмирала Алексеева. Каждый постоянно вмешивался в действия другого, и оба обвиняли друг друга перед императором. Между прочими командирами также возникали несогласия, интриг хватало с избытком.

Почти все задуманные операции исполнялись недостаточными средствами, и любая из них с самого начала была обречена на неудачу. Отличительной чертой ведения войны Россией было произвольное сведение в одно большое соединение небольших разнородных войсковых групп. До начала любой операции командование – по всей вероятности, для собственного успокоения – формировало новые соединения, неизменно разбивая старые. Это был явный самообман, ведь такие импровизированные объединения оставались без взаимопонимания и сплоченности, и совершенно ясно, что подобная организация боевых действий ослабляет армию. В этих условиях многие опытные и известные своей храбростью командиры были обречены на поражения. Моральное состояние армии падало, участились пьянки. Лень, безразличие и всевозможные злоупотребления были характерны для всех войсковых подразделений, что еще больше добавляло расслабленности.

* * *

В период с 25 декабря по 8 января я в качестве командира двух отдельных эскадронов принимал участие в кавалерийской операции, которую проводил генерал Мищенко силами 77 эскадронов. Целью операции было прорваться на побережье, захватить японский порт Инкоу с кораблями и, взорвав мост, оборвать железнодорожную связь между Порт-Артуром и Мукденом. Мы, участники этого сражения, еще не знали, что Порт-Артур уже находится в руках японцев, а армия генерала Ноги устремилась на север в сторону расположения войск генерала Куропаткина.

Важная наступательная операция протекала очень вяло. Мищенко придерживал основные силы для подавления незначительных укреплений противника, вместо того чтобы направлять туда небольшие войсковые подразделения, а крупные кавалерийские части бросить против Инкоу. На все это ушло очень много времени, и когда мы наконец увидели Инкоу, противник уже приготовился к обороне. Началось сражение. В самом разгаре его мы увидели, как мимо проехал военный состав из Порт-Артура – из открытых вагонов нам махали руками японцы и кричали: «Банзай!»

Показательным было и то, каким образом генерал Мищенко планировал взорвать железную дорогу в Маньчжурии где-нибудь к северу от Порт-Артура. Я вызвался выполнить эту операцию, но ее доверили выполнить другому, более молодому офицеру. Поскольку командование знало, что генерал Ноги передвигается на север, то на такую операцию необходимо было обратить больше внимания, чем на захват Инкоу, и сосредоточить для нее значительные силы. Вместо этого были поспешно собраны шесть слабых эскадронов из различных полков, и это временное формирование отправили взрывать важнейший на данном этапе военных действий железнодорожный мост! Произошло то, что и должно было произойти, – попытка провалилась.

В январе наш полк принимал участие в известном наступлении под Сандепу – им руководил мой соотечественник Оскар Гриппенберг, известный со времен Туркестанской войны. Таким образом, я получил возможность участвовать в единственной в своем роде широкомасштабной военной операции – единственной в том смысле, что по крайней мере ее начало было многообещающим. Нам следовало вклиниться в левый фланг противника и разведать возможности для крупного удара по оборонительным укреплениям японцев. Несмотря на успешное начало, главнокомандующий, вмешавшись в операцию, принялся отзывать один батальон за другим, собирая вокруг себя все больше новых полков, и, таким образом, сделал все, чтобы дальнейшее наступление стало невозможным.

Генерал Алексей Николаевич Куропаткин командовал русскими войсками в сражениях при Ляояне, Шахэ, Сандепу и Мукдене во время Русско-Японской войны

Мне пришлось удостовериться, как прекрасно японцы использовали рельеф местности и насколько они были незаметны в своей форме цвета хаки. В русской армии тогда еще не было полевой формы. В тактическом отношении артиллерия противника сильно превосходила нашу. Японцы использовали замаскированные артиллерийские позиции, в то время как русская артиллерия вела огонь с открытой местности.

Вскоре противник начал наступление на фронте шириной до 150 километров. Это наступление было отражено только на левом фланге – частями, которыми командовал генерал Линевиц. Ответным шагом главнокомандующего был приказ об общем отступлении. На правый фланг приказ поступил с большим опозданием, поэтому он был выполнен абсолютно бездарно. Войска на фланге, оказавшемся под угрозой, не были отведены под покровом ночи – они простояли до утра, после чего началось практически беспорядочное отступление. Японцы преследовали наши части небольшими подразделениями, каждое из которых было вооружено несколькими орудиями. Умело используя холмистую местность, противник нанес нам большие потери, что привело уже просто к паническому бегству.

Однако японцы все же не смогли использовать достигнутые успехи для одержания решительной победы. Линия фронта установилась в 170 километрах к северу от Мукдена. После всех этих событий генерала Куропаткина отстранили с поста главнокомандующего, а на его место назначили генерала Линевица, который за короткое время смог привести армию в боевое состояние. Военные действия на суше завершились с разгромом русской армии при Мукдене.

За разгромом на суше последовало и морское поражение. В мае 1905 года у островов Цусима японский флот полностью уничтожил Вторую русскую тихоокеанскую эскадру. В начале июня российский император принял предложение американского президента Теодора Рузвельта о посредничестве. Было крайне необходимо начать мирные переговоры, поскольку массовые волнения в России вполне могли перерасти в революцию.

Последствия войны с Японией ожидалось очень тяжелыми. Но по мирному договору, подписанному 5 сентября 1905 года в Портсмуте, Россия потеряла довольно мало. Единственным территориальным приобретением Японии стала южная часть острова Сахалин. Россия, со своей стороны, отказалась от прав на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний и от концессии на железную дорогу в Южной Маньчжурии. Права на использование Южно-Китайской железной дороги Россия сохранила. Корея была признана сферой влияния Японии. Никаких претензий на компенсации предъявлено не было.

* * *

Поскольку я отправился на войну добровольцем и потому не числился проходящим службу в полку, а потребности в штабных офицерах сократились, то в ноябре 1905 года я был отправлен обратно в Петербург. Я ехал вместе с тремя молодыми офицерами, следовавшими в отпуск. Путешествие через беспокойную Сибирь заняло около тридцати суток, и мы прибыли на место лишь в конце декабря.

За время нашего путешествия легко было прийти к выводу, что армия находилась на грани развала. Новообретенная «свобода» воспринималась очень просто: военные полагали, что могли делать все, что им заблагорассудится. Революция распространилась по линии Сибирской железной дороги вплоть до Дальнего Востока. Вокзалы и железнодорожные депо находились в руках бунтующих солдат. Само слово «свобода» в эти дни служило паролем. Коменданты вокзалов были беспомощны, а тех, кто пытался навести порядок, расстреливали. Когда поезд прибывал на ту или иную станцию, не было никакой гарантии, что он будет в состоянии двигаться дальше. Ведь паровоз могли отцепить и передать какому-нибудь воинскому эшелону. Все хотели поелику быстрее добраться до дома.

Непосредственно на театре военных действий порядка было заметно больше – скорее всего, потому, что пока еще не существовало «солдатских советов»: они возникнут только 12 лет спустя. Впрочем, и там, во фронтовой зоне, не было уверенности в том, что в один прекрасный день солдаты не примут участия в этих волнениях.

Когда мы прибыли в Петербург, ситуация там по-прежнему оставалась беспокойной. Царский манифест от 17 октября 1905 года, названный «Манифестом свободы» и обещавший

более широкие гражданские права и либеральную конституцию, конечно же, не смог предотвратить революционную волну, которая прокатилась по всей стране. Но порядок, во всяком случае, удалось навести, и монархия была спасена – в Петербурге и Москве с помощью гвардейских полков, не принимавших участия в войне, а в других районах страны – с помощью кавалерийских частей.

Только после революции 1917 года стало известно, что за день до объявления «Манифеста свободы» император Николай II решил было отречься от короны в пользу своего брата великого князя Михаила, но в последний момент отказался от этого намерения. Остается только гадать, что могло произойти в будущем, если бы император освободился от непосильной для него ноши. Двенадцать лет спустя Николай II сделал это, но – слишком поздно.

Первая мировая война. Неудачи на фронтах и положение внутри страны

Поражение России и последующие волнения, которые поколебали основы царской власти, решительным образом повлияли на всю мировую политику. Одним из важнейших последствий было то, что девять лет спустя руководители Германии недооценили своего восточного соседа и ввязались в войну на два фронта.

Перед мировой войной я в чине генерал-майора командовал расположенным в Варшаве драгунским полком лейб-гвардии Его Императорского Величества. Этот полк считался одним из лучших кавалерийских подразделений, и назначение туда расценивалось как значительное повышение. Такая служба была для меня очень желанна.

Среди гвардейских уланов я провел в общей сложности три года, и мое положение было настолько прочным, что я отказался от предложения принять командование над второй кирасирской бригадой в Царском Селе. Я рассчитывал, что место командующего гвардейскими частями в Варшаве довольно скоро освободится, и действительно, в 1914 году я получил именно это назначение.

Как финн и убежденный противник политики русификации, я думал, что понимаю чувства поляков и их точку зрения на те вопросы, которые можно было считать взрывоопасными. Несмотря на это, поляки относились ко мне с предубеждением.

Отрицательное отношение поляков к русским было почти таким же, как и наше, хотя после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов (особенно последнего, которое было жестоко подавлено) Польша оказалась совершенно в другой ситуации, нежели Финляндия. Королевство Польское фактически прекратило свое существование, и государство, по сути, превратилось в российское генерал-губернаторство. Русский был объявлен официальным языком, школы и администрация русифицированы. Польша как суверенное государство больше не существовала, но глубокие патриотические чувства, разумеется, никуда не делись. Контакты между русскими и поляками были сведены к минимуму, поэтому к моим попыткам наладить в полку нормальные отношения поляки относились с подозрением.

Ревматизм, полученный мною в Маньчжурии, заставил меня задуматься над тем, стоит ли дальше продолжать активную военную карьеру. Летом 1914 года через несколько дней после убийства в Сараево наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда и его супруги я отправился на лечение в Висбаден. В Германии царила напряженная обстановка.

Ежедневно можно было наблюдать, как в обществе нарастает военный психоз, который находил все более открытое выражение в неприязненном отношении к гостям из России.

Возвращаясь в Варшаву, я ехал через Берлин. Поскольку у меня было несколько часов между поездами, я решил использовать это время и посмотреть на лошадей. Я посетил одного лошаdnика, которого давно уже считал одним из лучших в Европе, – он торговал превосходными ирландскими и немецкими скакунами. С удивлением я увидел, что конюшни практически пусты. Волтман, торговец лошадьми, радушно встретил меня и сказал: «Извините, господин генерал, вам надо было прийти вчера, до того как я отправил сто пятьдесят лошадей в армию». Поразительно – немецкая армия, которая ранее платила лишь 1200 марок за лошадь, теперь была в состоянии закупить немалое количество качественных скакунов по цене около 5000 марок за каждого. Я сказал об этом Волтману, и тот, лукаво улыбнувшись, ответил: «Кто хочет воевать, должен быть готов заплатить». Это заставило меня призадуматься.

В окопах. Фото времен Первой мировой войны

Я прибыл в Варшаву 22 июля и, пробыв в польской столице два дня, отправился в лагерь, находившиеся за чертой города, – полк выехал туда на учения. В лагере я вновь повредил ногу. Едва меня уложили в постель, как вошел начальник штаба с телеграммой в руке – полк было необходимо перебросить в Варшаву. Отдав соответствующий приказ, я сел в машину и поехал в город.

В городских газетах я прочитал, что накануне Австро-Венгрия выдвинула угрожающие требования к Сербии. Это объясняло и чрезвычайное возбуждение немцев, и цену в пять тысяч марок за лошадь для немецкой армии.

* * *

Могла ли Россия выстоять в войне великих держав? Каково было состояние ее вооруженных сил?

Русско-японская война обнажила огромные недочеты в обучении и организации армии. В то время только треть армии находилась в состоянии боеготовности, а по причине мирного времени склады были практически пустыми. Можно было бы перебросить в Европу снаряжение с арены прошлых военных действий, но его уже практически не существовало. Все снаряжение либо вышло из строя, либо пропало. Именно поэтому Россия в 1905–1910 годах и позже была настолько слаба, что не могла вести успешные военные действия в Европе, а ведь война могла разразиться и в 1909, и в 1912 годах.

В случае всеобщей мобилизации для резервистов не было сапог и обмундирования, не хватало оружия и патронов.

Реформирование вооруженных сил требовало много времени, денег и еще раз денег. Военные действия против Японии обошлись в два с половиной миллиарда рублей, что очень

тяжело сказалось на финансовом положении государства. Было очень трудно добиться от Думы такого бюджета, при котором царская власть могла бы соперничать с Германией и Австро-Венгрией по части военных приготовлений. Ответом России на эти приготовления была так называемая «большая программа» – на ее реализацию отводилось пять лет, с 1913 по 1917 год. Первоначальные ассигнования составляли полмиллиарда рублей, после чего военный бюджет должен был ежегодно увеличиваться на 140 миллионов. Численность вооруженных сил должна была возрасти в три раза, что означало пополнение армии двенадцатью тысячами офицеров и пятью миллионами солдат. Война прервала процесс реформирования армии, но и то, что Россия успела сделать, было совсем не малым.

Для столь масштабной работы требовалась твердая рука. У императора было много других дел и обязанностей; думаю, у него просто не хватало времени и сил, чтобы заниматься еще и военной реформой. Соответствующие обязанности были возложены на генерала от кавалерии Сухомлинова, который в 1909 году стал военным министром. Отношения между ним и начальником Генштаба в эти годы были весьма напряженными. Надо отметить и то, что в течение 1905–1914 годов Генштаб шесть раз менял своих начальников. Впоследствии генерал Сухомлинов был подвергнут резкой критике, но если более внимательно посмотреть на результаты его пятилетней деятельности в качестве военного министра, то нельзя не сказать, что армия, находившаяся до того в полном развале, за достаточно короткое время стала вполне боеспособной, хотя в техническом отношении она и отставала от Германии. Мобилизация проходила в соответствии с разработанными планами. Однако военная промышленность не выдерживала сроков, особенно это касалось снабжения армии боеприпасами, что впоследствии оказалось роковым.

Обучение военному делу за последние годы сильно продвинулось вперед. Наконец-то в армии начали учитывать уроки Русско-японской войны. В ожидании нового устава полевой службы, который бесконечно обсуждался на заседаниях различных комитетов, военные подразделения получали тактические установки в виде отдельных приказов. Устав был одобрен в тот самый день, когда объявили мобилизацию. Между прочим, война показала, что ни французская, ни немецкая армии не учли уроков военных действий в Маньчжурии.

Самым слабым местом были резервы, которые не прошли своевременного обучения. Массы людей, подлежавших призыву, как и весь русский народ, морально не были готовы к военным действиям. Все патриотические демонстрации первых месяцев войны выглядели скорее показательными выступлениями.

Внутреннее положение в государстве было чрезвычайно сложным, и начиная с 1906 года все четыре созыва Государственной думы находились в жесткой оппозиции к царю.

Хотя материальное обеспечение российской армии было гораздо лучше, чем десять лет назад, Россия все же не была готова к затяжной войне в Европе. Между тем, считалось – и это было всеобщим заблуждением, – что конфликт между великими державами не сможет длиться долго.

* * *

Полк выгрузился из поезда 30 июля в Люблине и проследовал оттуда конным порядком в город Красник, располагавшийся примерно в тридцати километрах от границы Галиции, что проходила севернее реки Сан. Между государственной границей и Саном у австро-венгров был обширный плацдарм. Мы знали, что война еще не началась и что мобилизация коснулась только военных округов Москвы, Казани, Одессы и Киева. Однако 31 июля в Германии был опубликован приказ о призыве в армию, и в России сразу же началась всеобщая мобилизация, а 1 августа Германия объявила войну России.

Мы с нетерпением ожидали возможности атаковать австрийцев, но проходили дни, а Россия и Австро-Венгрия все не начинали войну. Только 6 августа Австро-Венгрия последовала примеру Германии.

Удержать Красник представлялось стратегически важной задачей, так как этот город был узловым пунктом, лежавшим к югу от железной дороги Ивангород (Демблин) – Люблин – Холм. В районе дороги были сконцентрированы четыре армии. Для обеспечения безопасности этих сил на 60 километров южнее выдвинулось кавалерийское соединение под командованием генерал-лейтенанта князя Туманова, созданное из 13-й кавалерийской дивизии и гвардейской кавалерийской бригады.

17 августа были неожиданно атакованы войска, которые держали оборону против основных сил австрийцев. В то же утро я получил в своей штаб-квартире в Краснике приказ генерал-лейтенанта Туманова выдвинуться на южную окраину и удерживать город всеми возможными средствами. Приказ в спешке был написан на оборотной стороне донесения разведывательного эскадрона. В этом донесении говорилось, что противник направляет в сторону Красника пехотную дивизию, три батареи и многочисленную кавалерию.

Мои части сражались в полосе шириной семь километров. В бой ввязался весь полк. Огнем превосходящей артиллерии противника моя батарея была подавлена, и сразу после начала столкновения в ней осталось всего два орудия, которые вынуждены были сменить позицию. Это означало, что уланский полк какое-то время действовал без поддержки артиллерии. Наконец командующий армией прислал свежую батарею, и ее точная стрельба оказала существенную помощь в бою.

В течение дня противник стремился захватить центральную позицию – там ему противостояли гвардейские уланы – и отсечь мой левый фланг, но этого австрийцам не удалось.

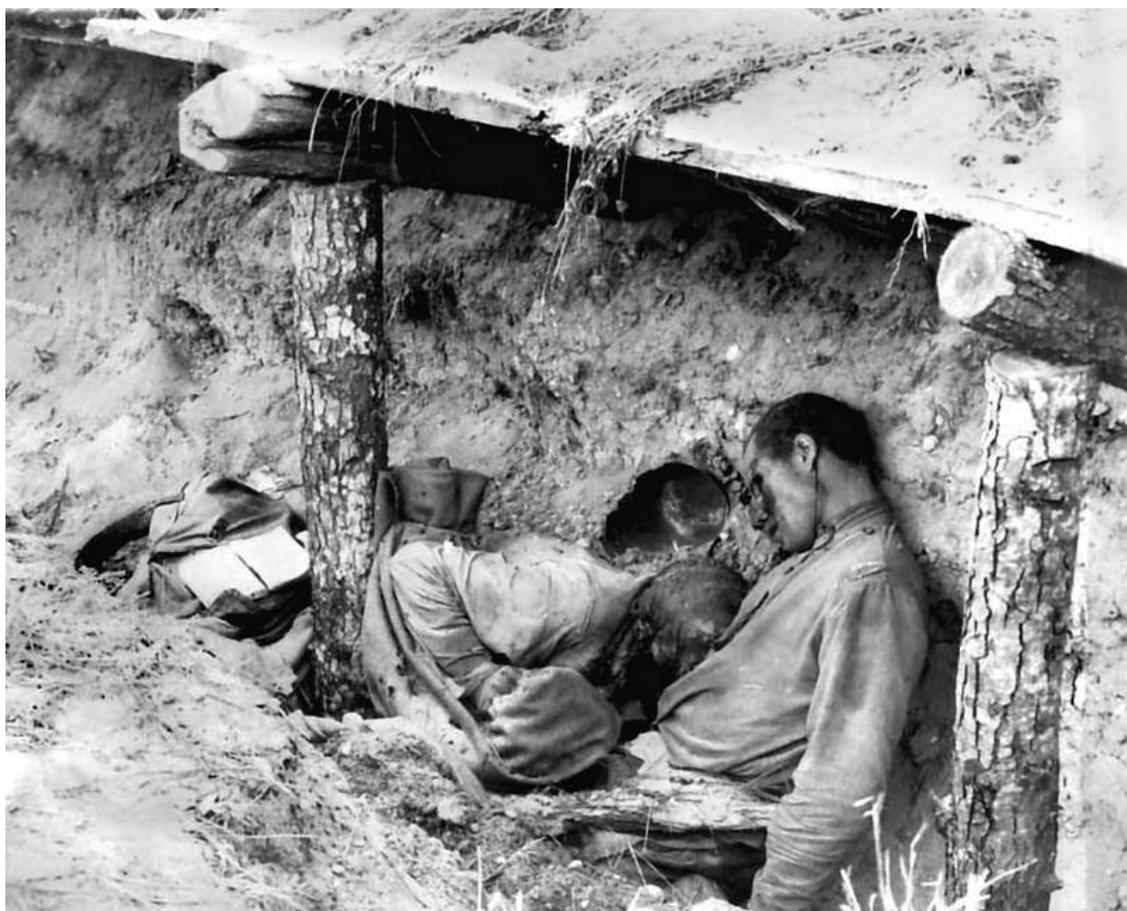
К вечеру прибыл пехотный полк, которому предстояло заменить мои подразделения. В ходе этой замены австрийцы начали в беспорядке отступать; наши войска взяли в плен несколько сотен вражеских солдат – основную часть двух пехотных полков, участвовавших в наступлении. По сведениям, полученным от пленных, силы противника насчитывали еще три батареи и одну кавалерийскую дивизию. Нас удивило, что они так и не были введены в бой.

28 августа я получил приказ разведать силы противника в районе города Ополе и воспрепятствовать его переправе через Одру. Мои части были усилены 13-м уланским полком и 13 м драгунским полком, а также конной батареей. Ополе еще не был занят, однако австрийцы уже подошли к его южной окраине – по нашей оценке, их там было не менее дивизии. Обогнув наш правый фланг, противник занял три села и попытался обойти Ополе с запада – это представляло для нас серьезную угрозу. Таковым было положение, когда я получил приказ переправиться ночью через Одру в обратном направлении. После того как села перешли к противнику, оборонять переправы должна была 13-я кавалерийская дивизия. И все же следующей ночью мы их потеряли. Теперь у противника на северном берегу Одры было четыре плацдарма для переправы.

29 августа я получил новый приказ: мое соединение, усиленное 10-м Донским казачьим полком, должно было отбить у противника эти переправы. Осмотрев свои укрепления и обратив внимание, что противник расширяет плацдармы для переправы, я решил ударом с фланга прорвать фронт на южном берегу реки и одновременно атаковать переправы в лоб. Небольшая часть под командованием отважного ротмистра Носовича смогла переправиться через Одру ниже по течению и атаковала противника с тыла на западной переправе. В течение дня остальные переправы также оказались в наших руках. Все попытки противника вновь овладеть ими были нами отбиты.

* * *

В конце ноября 1914 года я посетил командующего нашим армейским корпусом генерала Безобразова, с которым был хорошо знаком. Его пессимистический взгляд на ситуацию чрезвычайно удивил меня. «Скоро нам придется драться просто дубинами», – предсказывал он. Временами поступление боеприпасов было действительно скудным, нас призывали экономно расходовать заряды, в особенности – беречь артиллерийские снаряды. До сих пор считалось, что причиной этого были затруднения в доставке боеприпасов. От генерала я услышал, что в действительности все обстояло несколько иначе. Он мне объяснил много разных вещей. Оказалось, резервы мирного времени истощены, а промышленность, которой не хватало сырья, техники и специалистов, не в состоянии быстро удовлетворить потребности, соответствующие военной обстановке. Мобилизационные планы для промышленности не были разработаны вовремя. Поскольку Франция и Англия еще не успели провести мобилизацию своей промышленности, то наша армия в течение долгого времени не будет получать помощь от союзников. Нехватка артиллерийских снарядов начала чувствоваться уже через шесть недель после начала войны. Артиллерия с первых дней имела решающее значение в боевых действиях, а пехота привыкла к ее поддержке. Когда эта поддержка начала ослабевать, стали расти потери, что, в свою очередь, пагубно отразилось на боевом духе, особенно если учесть, что у пехоты тоже появились затруднения с оружием и боеприпасами.

Гибель русских солдат от осколков снарядов

Даже боеспособные части вызывали обеспокоенность. В мирное время к подготовке кадров относились легкомысленно, в итоге армия отправилась на войну, имея в каждой отдельной роте, батарее или эскадроне не более трех-четырех боевых офицеров. В первые месяцы войны потери среди активных офицеров были значительными, поэтому нехватка командного состава очень быстро стала просто вопиющей. То же самое касалось и унтер-офицеров. Вакансии заполнялись офицерами и унтер-офицерами из резервистов, компетенция которых вызывала большие сомнения. Людские потери были неожиданно большими – имелись полки, личный состав которых насчитывал не более 400 человек. Большая часть армейских подразделений оказалась в плену. Нехватка вооружения осложняла комплектацию фронтовых соединений, и, несмотря на огромные людские резервы, формирование новых войсковых частей сталкивалось с большими затруднениями. Такова была русская армия в конце 1914 и начале 1915 годов.

Совсем не удивительно, что за удачным контрнаступлением русских войск в Польше последовал ответный удар. К концу года австрийцы, в свою очередь, нанесли контрудар в Галиции и заставили русскую армию отступить на 70 километров от Кракова в восточном направлении. Когда же немцы одновременно начали готовить наступление в Восточной Пруссии, то для выдвинувшейся далеко на запад русской группировки создалась угрожающая ситуация. Поэтому группировка получила приказ отойти на 50–100 километров и создать протяженный фронт по линиям рек Бзура, Равка и Нида. Вскоре начались жестокие морозы. Русская армия встретила их практически без зимнего обмундирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.